

Содержание

Факт и вымысел. Введение	5
--------------------------------	---

ВСЕ ЛЮДИ ВМЕСТЕ

Сладкий праздник	17
Откуда берется мясо	22
Ты здесь	44
Битва титанов	59
Моя собачья жизнь	79
Исповедь в камне	86
Неосвоенная территория	122
Жестянка с людьми	131
Леди	142

ПОРТРЕТЫ

Сама о себе	153
Почему он не желает отступаться?	169
Непревзойденная Эми	178
Гаяда самому себе	185
Бодхисатвы	199
Человеку свойственно ошибаться	212
Дорогой мистер Левин	229

ЛИЧНОЕ

Эскорт	241
Почти по-калифорнийски	246
Увеличитель губ	253
Обезьяны привычки	260
Конфронтация	265
Кажется, вспомнил... ..	270
Утешительные призы	277

Факт и вымысел. Введение

Вы, наверное, уже заметили, что все мои книги посвящены одиноким людям, которые ищут, к кому бы им прибиться.

В некотором роде это полная противоположность Американской Мечте, состоящей в том, чтобы разбогатеть и возвыситься над толпой, над всеми, кто катит сейчас куда-то по фривею и, не дай бог, в автобусе. Нет-нет, Американская Мечта — это большой дом где-нибудь на отшибе. Например, пентхаус, как у Говарда Хьюза. Или замок на вершине горы, как у Уильяма Рэндольфа Херста. Этакое гнездышко, упрятанное подальше от посторонних глаз, куда время от времени можно пригласить тех представителей плебса, которые симпатичны лично вам. Чтобы общаться с ними на своей территории, где жизнь течет согласно вашим правилам. Где вы полновластный хозяин.

Будь то ранчо где-нибудь в Монтане или подвальная квартирка, в которой имеется с десяток тысяч DVD и скоростной доступ в Интернет, — особой разницы нет. Главное, что там вы один и никто не мешает. И тогда вам становится одиноко.

После того как мы немного пострадаем — как, например, рассказчик из «Бойцовского клуба» или же рассказчица из «Невидимок», изолированная от мира благодаря

собственному прекрасному лицу, — мы разрушаем наше милое гнездышко и заставляем себя вернуться в окружающий мир. В некотором роде именно так и пишутся романы. Вы составляете план и ищете материал. Какое-то время проводите в полном одиночестве, отгородившись от мира, строя собственный прекрасный мирок, в котором вы полновластный, ну совершенно полновластный хозяин. Вы не берете телефонную трубку. В вашем электронном почтовом ящике копятся груды писем. Вы остаетесь в вымышленном миреке, пока не настанет момент его разрушить. После чего вы возвращаетесь к людям.

Если ваша книжка продается, причем неплохо, то вы отправляетесь в рекламное турне по градам и весям. Вы раздаете интервью. Вы по-настоящему общаетесь с людьми. С огромным количеством людей. Вокруг вас люди, люди, люди. Вскоре вам становится муторно. И вас снова подмывает бежать от них куда-нибудь подальше, например, в...

В очередной прекрасный вымышленный мирок.

И так до бесконечности. Один. В толпе. Один. В толпе.

Вполне возможно — коль вы читаете эти строки, — что сей цикл вам хорошо знаком. Чтение — не групповой вид деятельности. Тут вам не кино и не концерт, где собираются сотни людей. Нет, на этом конце спектра царит одиночество.

Каждый рассказ в книге посвящен пребыванию среди людей. Моей персоне среди людей. Или же тому, что собирает людей вместе.

Для любителей возводить замки это рассказ о том, как гордо реет каменный флаг — такой огромный, что под него стекаются все, кто живет той же мечтой, что и вы.

Для любителей крушить комбайны это рассказ о том, как можно найти себе подобных, социальную структуру, в которой для каждого найдутся правила, цели и роли, и тогда

несложно обрести собратьев по духу, разнося вдребезги допотопную сельхозтехнику.

Для Мэрилина Мэнсона это рассказ о мальчишке со Среднего Запада, который не умеет плавать и вдруг неожиданно переезжает во Флориду, где общение с себе подобными протекает в водах Атлантики. И тем не менее мальчишка не оставляет попыток найти себе подобных.

В книге собраны зарисовки и эссе, которые я набросал в перерывах между романами.

Мой личный жизненный цикл выглядит так: Факт. Вымысел. Факт. Вымысел.

У писательского ремесла есть один существенный недостаток — одиночество. Сидишь и пишешь. Где-нибудь один, в мансарде. Народ считает, что в этом и заключается разница между писателем и журналистом. Журналист, газетный репортер, вечно куда-то торопится, вынюхивает сенсации, встречается с людьми, его вечно поджимают сроки. Он вечно в толпе и вечно куда-то спешит. Жизнь его полна приключений — всем на зависть.

Журналист пишет, чтобы открыть вам окно в большой мир. Он посредник.

Другое дело писатель. Любой, кто сочиняет повести и рассказы, — одиночка, по крайней мере в глазах других. Наверное, потому, что литература соединяет вас с голосом всего одного человека. Возможно, потому, что чтение — одинокое занятие, вид досуга, который отгораживает нас от других людей.

Журналист, прежде чем взяться за перо, производит расследование. Романист предается игре воображения.

Интересно, сколько времени романист вынужден проводить в обществе других людей, чтобы создать этот самый одинокий голос? Свой обособленный мир?

Мои произведения с трудом подходят под определение «вымысел».

Ведь я пишу в основном благодаря тому, что в прошлом раз в неделю встречался с другими людьми. Это был своего рода мастер-класс, который проводил один писатель, а именно Том Спэнбауэр, за кухонным столом вечером по четвергам. В то время почти все мои друзья так или иначе обитали в непосредственной близости от меня — соседи или коллеги. Таких людей знаешь только потому, что каждый день оказываешься рядом с ними.

Самая забавная из моих знакомых, Ина Геберт, как-то раз назвала коллег «воздушной семьей».

Проблема с такими друзьями состоит в том, что они часто куда-то исчезают. Например, их увольняют или они увольняются сами.

Лишь начав посещать писательский мастер-класс, я сделал для себя открытие, что друзей может объединять общая страсть. Такая, к примеру, как написание книг. Или театр. Или музыка. Или какие-то идеи. Некие общие поиски истины, которые будут удерживать вас рядом с другими людьми, уважающими, как и вы, это непонятное, с трудом поддающееся описанию мастерство. Подобная дружба не зависит от того, уволили вас или, к примеру, выселили из дома. Кухонные посиделки вечером по четвергам стали единственным стимулом, заставившим меня взяться за перо в годы, когда за книгу я не получал и ломаного гроша. Том, Сьюзи, Моника, Стивен, Билл, Кори и Рик. Мы сражались друг с другом и превозносили друг друга. И этого было достаточно.

Моя любимая теория насчет успеха «Бойцовского клуба»: книга понравилась потому, что костяк истории — рассказ о том, что сводит людей вместе. Людям интересно узнать, какие еще существуют способы найти родственные души. Вы только посмотрите на книги типа «Как сделать настоящее американское лоскутное одеяло», или «Божественные секреты женской дружбы», или «Клуб любите-

лей удачи». Все эти книги есть не что иное, как описание структур общения — смастерите лоскутное одеяло или научитесь играть в какую-нибудь экзотическую игру, — то есть все то, что сводит людей вместе и дает возможность поделиться собственным жизненным опытом. Все эти книги по сути своей рассказы, объединенные общим видом деятельности. Да, забыл сказать, это преимущественно женские рассказы. В них нам почти не встретить новых моделей социального взаимодействия мужчин. У мужчин есть спорт. Есть выпивка. Этим список, пожалуй, и исчерпывается.

А еще есть бойцовские клубы. Хорошо это или плохо.

Еще до того как я приступил к работе над книгой с названием «Бойцовский клуб», я работал волонтером в одном хосписе. Моя работа состояла в том, чтобы привозить людей к врачам и на встречи групп взаимной поддержки. Они собирались где-нибудь в церковном подвале, сравнивали симптомы своих болезней и делали упражнения по системе «Нью-Эйдж». Эти встречи постоянно причиняли мне дискомфорт, потому что остальные считали, что я страдаю тем же самым заболеванием, что и они. Я же был лишен возможности тактично объяснить людям, что я не более чем сторонний наблюдатель, этакий турист, который просто ждет, когда все закончится, чтобы отвести подопечного обратно в хоспис. И мне ничего не оставалось, как придумать собственную историю о том, как один человек посещает встречи смертельно больных людей, чтобы только избавиться от гнетущего чувства никчемности своей собственной жизни.

В некотором отношении подобные места вроде групп взаимной поддержки постепенно начали выполнять функции, ранее свойственные организованной религии. Раньше мы ходили в церковь, чтобы признаться в своих самых нелюбимых секретах, покаяться в наших самых тяж-

ких грехах. Рассказать наши истории. Быть принятыми. Обрести прощение. Заслужить искупление и заново влиться в ряды себе подобных. Это был своеобразный ритуал, призванный помочь нам достучаться до других, снять мучившую нас тревогу, чтобы не удалиться слишком далеко от рода людского, не стать для него окончательно потерянными.

В таких местах я слышал самые правдивые истории. В группах поддержки. В больницах. Там, где людям больше нечего терять, они, как правило, рассказывают самые правдивые истории.

Работая над «Невидимками», я обычно набирал номера «секса по телефону» и просил невидимых собеседников рассказать мне самую грязную историю в их жизни.

— Послушай, мне надо что-нибудь погрязнее, например, как брат и сестра трахали друг друга. Давай расскажи мне что-нибудь в этом роде о себе.

Или:

— Расскажи мне что-нибудь самое грязное из области твоих фантазий, и главное, чтобы с передеванием.

Уверяю вас, после такого разговора можно записывать часами. А поскольку слышишь только чужой голос, то это как неприличный радиоспектакль. Некоторые люди просто из рук вон плохие актеры, зато другие способны задеть вас за живое.

Помнится, как-то раз один парнишка рассказывал, как его шантажировал полицейский, требуя, чтобы он занимался с ним сексом. Легавый пригрозил мальчишке тем, что донесет на его родителей за то, что те, мол, не занимаются воспитанием сына. Страж правопорядка наградил мальчишку гонореей, а родители, которых тот пытался спасти от позора, узнав о происшедшем, вышвырнули его на улицу. Под конец истории парень даже расплакался. Если он мне лгал, то следует отдать ему должное — он сделал это

великолепно. Этаким театром одного актера. И если его рассказ не более чем вымысел, то это потрясающий вымысел.

Потому я и воспользовался им для своей книги.

Весь наш мир состоит из людей, рассказывающих свои истории. Посмотрите на фондовый рынок. Посмотрите на мир моды. И любая длинная история, любой роман — не более чем комбинация коротких рассказов.

Занимаясь поиском материала для своей четвертой книги «Удушье», я на протяжении шести месяцев дважды в неделю, вечером по средам и пятницам, посещал сеансы групповой терапии для страдающих повышенной половой возбудимостью.

Во многих отношениях эти сборища мало чем отличались от наших писательских посиделок по четвергам, которые я посещал примерно тогда же. И там, и здесь собирались люди, которые рассказывали свои истории. С той разницей, что «сексоголики» были менее озабочены тем, чтобы их рассказ получился «красив». Зато они рассказывали про секс с анонимными партнерами в туалетах или о проститутках, и этого было достаточно, чтобы вызвать у аудитории ответную реакцию. Многие из этих людей выступали на подобных собраниях не один год, так что если слушать их регулярно, получался своеобразный монолог. Великолепные актеры или актрисы, играющие самих себя. Монолог, слушая который, можно проследить, как постепенно подается ключевая информация, как создается драматическое напряжение и слушатель постепенно забывает обо всем вокруг.

В период работы над «Удушьем» я как волонтер проводил время в обществе людей с синдромом Альцгеймера. Моя роль заключалась в следующем: у каждого из моих подопечных в шкафу стояла коробка с фотографиями, и я расспрашивал их о том, кто на них изображен, стараясь тем самым заставить работать их память. У медицинского пер-

сонала времени на подобные вещи просто не оставалось. И опять-таки в этом случае все сводилось к рассказыванию историй. Одна из побочных сюжетных линий моей книги родилась на свет благодаря пациентам, которые день за днем рассматривали одни и те же фото и каждый раз рассказывали про них разные истории. Например, в один день красивая пышногрудая женщина оказывалась женой. На следующий — незнакомкой, с которой мой рассказчик познакомился в Мексике, когда служил на флоте. На третий — это была коллега по работе. Больше всего поражало меня то, что всякий раз, чтобы объяснить мне, кто изображен на фотографии, моему собеседнику приходилось *выдумывать* историю. Даже если на самом деле они не помнили, кто на фото, мои подопечные ни за что не желали в этом сознаваться. Плохая, белыми нитками шитая история все же лучше признания в том, что они не могут узнать женщину на фотографии.

Линии секса по телефону, группы взаимной поддержки тяжелобольных и им подобные — это все не что иное, как школа, в которой люди учатся мастерски рассказывать свои истории. Рассказывать вслух. Другим людям. Причем не просто искать и находить какие-то идеи, а по-настоящему перевоплощаться.

Мы все проживаем свою жизнь в соответствии с той или иной историей. Например, историей про то, что значит быть ирландцем или черным. Про то, что значит трудиться до седьмого пота или ширяться героином. Быть мужчиной или женщиной. И всю нашу жизнь мы ищем что-то такое — факты, свидетельства, — что подтверждает нашу историю. Как писатель вы просто признаете эту часть человеческой природы. Каждый раз, когда создаешь новый персонаж, сначала следует присмотреться к миру этого персонажа, присмотреться к деталям, которые делают его реальность единственно верной.

Подобно адвокату, отстаивающему в зале суда невиновность подзащитного, вы делаете все, чтобы читатель принял взгляд вашего персонажа на мир. Вы словно даете читателю возможность на какое-то время вырваться за пределы его собственного мира. Его собственной истории.

Вот так я создаю своих персонажей. Я обычно даю каждому из них образование и профессию, которые так или иначе ограничивают их взгляд на мир. Так, например, уборщице мир видится как вереница грязных пятен, которые следует удалить. Манекенщица видит его как вереницу соперниц, готовых урвать себе причитающуюся ей долю внимания. Студент-двоечник медицинского факультета видит его как вереницу родинок или тиков, которые могут оказаться ранними симптомами неизлечимого заболевания.

За все то время, что я занимаюсь писательской деятельностью, у нас с друзьями вошло в традицию проводить так называемые «вечера игр». Каждое воскресенье мы собираемся, чтобы во что-нибудь сыграть, например, в шарады. Случается, что мы так ни во что и не играем. Главное, нам нужен повод, чтобы собраться вместе. Бывало, роман продвигался туго, и мне в срочном порядке требовались свежие идеи, чтобы дальше развивать ту или иную тему. Тогда я прибегал к так называемому «прорастиванию семян», то есть подбрасывал тему в разговор; иногда это мог быть короткий смешной рассказ, и тогда люди начинали рассказывать свои версии этой истории.

Когда я писал «Уцелевшего», то нарочно заводил разговор о том, как лучше делать уборку, и люди часами снабжали меня подробностями. Для «Удушья» это были зашифрованные объявления службы безопасности. Для «Дневника» я рассказывал истории о том, что мне случалось находить или, наоборот, что я забывал внутри стен домов, которые помогал строить. Слушая мои истории, друзья

начинали рассказывать мне свои. Примерно за час я обычно собирал материал на целую книгу.

Вот как даже такое одинокое занятие, как писательский труд, становится поводом побыть среди людей. В свою очередь люди подбрасывают топливо для других рассказов.

Один. В толпе. Факт. Вымысел. Замкнутый круг.

Комедия. Трагедия. Свет. Тьма. Они определяют друг друга.

И это срабатывает — при условии, если не слишком долго застрять в одном месте.

ВСЕ ЛЮДИ ВМЕСТЕ

Сладкий праздник

Симпатичная блондинка сдвигает ковбойскую шляпу дальше на затылок. Это для того, чтобы, заглатывая еще глубже член какого-то ковбоя, не упираться полями шляпы ему в живот. Дело происходит на сцене в переполненном баре. Оба голые и с ног до головы вымазаны шоколадным пудингом и взбитыми сливками. Это называется «Соревнование по боди-пейнтингу». На сцене раскатан красный ковер. Сама сцена ярко освещена. Публика скандирует: «Да-вай-го-лов-ку! Да-вай-го-лов-ку!»

Ковбой поливает расщелину между ягодицами блондинки взбитыми сливками и с аппетитом съедает их. Блондинка берет в руки член и, намазав его шоколадным пудингом, мастурбирует. На сцену выходит новая пара, и мужчина слизывает пудинг с бритой промежности партнерши. Девушка с каштановыми волосами, забранными в конский хвост, и топике-бюстгальтере, делает минет парню с необрезанным членом.

Все эти действия публика сопровождает хоровым исполнением песни «Ты разлюбила».

Когда девушка сходит со сцены, подружка кричит ей: «Ты отсосала у него, маленькая сучка!»

В баре битком набито, все курят сигары, пьют пиво «Ренье», «Шмидтс» и «Миллер», едят зажаренные бычьи яйца с

подливой. Сильно пахнет потом, и когда кто-нибудь выпускает газы, шоколадный пудинг напоминает что-то другое, то есть утрачивает сходство с обычным шоколадным пудингом.

Это всего лишь начало «Фестиваля яиц» в Рок-Крик-Лодж.

Местечко расположено примерно в пятнадцати милях к югу от Миссулы, штат Монтана, где в тот же уик-энд встретятся трансвеститы из десятка штатов, чтобы короновать свою Императрицу. Именно потому в городок съехались сотни христианских фундаменталистов. Они собрались, чтобы, сидя в шезлонгах на перекрестках, указывать друг другу на трансвеститов, разгуливающих в мини-юбках, и на пятнадцать тысяч затянутых в кожу байкеров, с грохотом гоняющих по городу на мотоциклах. Христиане тычут пальцами и кричат: «Демон! Я вижу тебя, демон! Тебе от меня не спрятаться!»

На этот один лишь уик-энд, первый уик-энд сентября, Миссула превращается в центр трахающей/оттраханной вселенной.

В Рок-Крик-Лодж народ поднимается по «Лестнице в небо» на уличную сцену весь уик-энд подряд, чтобы... это... ну, вы поняли зачем.

К востоку, на расстоянии броска камня, по шоссе № 90, пролетают грузовики, отчаянно сигналив при виде того, как девушки на сцене забрасывают ноги и вертят своими бритыми «пилотками». К западу, на расстоянии половины броска камня, грохочущие мимо грузовые поезда замедляют ход, чтобы машинистам получше рассмотреть происходящее, и салютуют гудками.

— Я выстроил сцену, на которую ведут тринадцать ступенек, — рассказывает основатель фестиваля Род Джексон. — Ее всегда можно превратить в эшафот.

Все верно, она действительно выкрашена в красный цвет, но выглядит как настоящий эшафот.